

Обыкновенный экспонат?

Время... Ничто не властно над ним... Вдыхаю полной грудью напоенный весенними ароматами воздух, смотрю на родные просторы. Как ты прекрасна, земля моя! Я стою на дороге Михайлов - Рязань, возле села Поярково, где взмыла в синюю высь стела - штык. Именно отсюда в далёком 1941 году погнали с нашей земли фашистов, не пустили к Москве.

Время... Давно поросли ивняком воронки от снарядов, а траншеи и вовсе сравнялись с землей... Но жива народная память. Бережно хранят михайловцы воспоминания о героях войны: застывают в почетном карауле юнармейцы возле памятников, гремят залпы салютов, пылает в центре города вечный огонь, а в краеведческом музее всегда есть посетители. И каждый экспонат здесь рассказывает свою историю...

Я – штык. Обыкновенный солдатский штык со своей славной боевой историей. Живу сейчас в Михайловском краеведческом музее и рассказываю посетителям о Великой Отечественной войне. Поведаю и вам... Впрочем, давайте по порядку...

Я появился на свет на оружейном заводе - блестящий, острый, молодцеватый! Руки мастера Тимофея Макарыча подняли меня в воздух, и я увидел еще добрую сотню таких же штыков – моих братьев. Мастер крякнул, вытянул меня перед собой и сказал: «Ай, добрый штык! С таким в атаку не страшно! Востер, как сабля!» Потом он быстро приладил меня к новенькой винтовке Мосина, и мы стали не делимы друг от друга. Нас обернули промасленной бумагой и положили в деревянный ящик, и мы отправились в путь. Колеса поезда мерно стучат: «В путь! В путь! Е-дем! Да-льше!» Дорогу помню достаточно смутно, но, когда раздался треск и крышка ящика

взлетела вверх, я увидел голубое ясное небо, почувствовал легкий и приятный ветерок, и тут же две крепкие руки вытащили меня на волю.

Так началась моя служба на границе. Мой друг и хозяин Иван Стрелков был сержантом. Пшеничные золотые волосы, серые с крапункой, веселые и озорные глаза, добрый нрав – Ваню любили и уважали все: от рядового до начальника погранзаставы. Любил его и я... К оружию старшина Стрелков относился бережно, если не сказать трепетно, того же требовал и от своих подчиненных. Я всегда сиял и был остро заточен. Но самое главное в моей жизни на границе – это боевые учения! Мы с Ваней без устали кололи врага, чью роль выполняло пугало, сделанное из мешковины и набитое соломой. Стрелков, словно оправдывая свою фамилию, без промаха стрелял. Мы могли с ним часами чеканить шаг на плацу, короче говоря, несли военную службу.

Война началась рано утром. Внезапно и страшно. Завыли в небе вражеские самолеты, где-то противно ухнуло, дрогнула и взъерошилась от взрыва земля.... И сразу же – вой сирены, топот наспех обутых ног, отрывистые приказы: «Застава, в ружьё!» Я застыл по стойке смирно в пирамиде вместе с боевыми товарищами. Иван выхватил меня как-то сразу, на ходу передернул затвор, и мы выбежали на улицу. Что там творилось! Горела трава, слышался беспорядочный треск автоматных очередей, неразбериха и беготня. И вдруг крик: «Немцы!»

Сначала мы стреляли с Ваней из-за угла казармы... Били метко, и серые страшные фигуры оседали на землю, как будто вдруг им очень сильно захотелось спать. А потом Ваня вдруг сжал винтовку в руках, поднялся во весь свой богатырский рост и с криком: «За мноооооой! За Родинууууу! Урааааааа!» - вдруг побежал с винтовкой наперевес на фашистов. «Аааааааааааааа!» - слышалось повсюду. Это Ванин взвод поднялся и побежал на врага! «В штыковую!» - подумал я и засиял от праведного гнева и одновременно какой-то отчаянной радости. Мы бежали вперед. Заливались коротким лаем немецкие шмайссеры, визгливо твякали минометы: «Та-та-та,

тыв!» А мы кричали: «Ура!» И бежали вперед! Ближе. Еще ближе. Я вонзился во что-то мягкое и живое. Мы с Ваней кололи врага, бились врукопашную. И вдруг я понял, что падаю, падаю прямо из ваниных рук, ваюсь на землю. Мы упали одновременно: я и Иван - и лежали в пыльной придорожной траве, и глаза старшины смотрели в небо, но он не моргал... Тогда мне впервые стало страшно, хотелось крикнуть, позвать его, но я не мог.

Когда рассеялся дым и стихли выстрелы и крики, Ваню унесли на плащ-палатке куда-то на опушку леса, туда же бережно отнесли ещё нескольких солдат. А меня поднял рядовой Андрей Соколов, и мне пришлось привыкать к новому хозяину. С ним я прошел всю войну. Позже у Андрея появился трофейный автомат, а потом и пистолет-пулемет Шпагина, но со мной он не расставался никогда. Я часто вспоминал свой первый бой. И были еще бои и славные битвы: битва за Москву, оборона Сталинграда. И, наконец, взятие Берлина! Дошли-и-и-и! Победа!

После войны мы вернулись с гвардии капитаном Андреем Соколовым в родной его город Михайлов Рязанской области. Мы были настоящими героями! На нас уважительно смотрели и взрослые, и дети и говорили: «Подумать только! От Бреста до Берлина!» А я сиял, и сияли медали на груди Соколова. И мы готовы были, если надо, вновь защищать нашу Родину!

Шли годы... И как-то Андрей достал меня с антресолей, вытер, наточил, бережно погладил и сказал: «Друг мой! Верный боевой друг мой! Послужи еще людям и Отечеству своему!» И отнес меня в музей. Сначала я тосковал по дому, но скоро привык, потому что увидел на других стендах товарищей по оружию: здесь были гильзы, фляжки, пистолеты. Мы скоро стали добрыми друзьями, а истории и рассказы о войне длятся и длятся до сих пор.

А еще... Я боюсь показаться нескромным, но знаете... На границе Михайловского района в память о войне взлетела в воздух стела. Это

большой, сильный штык. Он грозно смотрит на Запад, стоит на страже мира на моей земле. И это – мой правнук.

Жива народная память... Строго смотрят на нас обелиски и памятники, словно спрашивают: «Вы помните?»

Мы помним!